

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОДТЕКСТА

С.С. Ануфриева (Витебский гос. технологический университет)

Поиск подтекстовой информации может инициироваться на любом из языковых уровней с большей или меньшей интенсивностью. Отобранные нами тексты для анализа представляют мозаичный спектр художественных произведений конца прошлого – начала нынешнего столетия. Мы обратились к творчеству В.Маяковского, В.Песенки, М.Палия, Л.Улицкой, Т.Толстой, Г.Щербаковой, А.Битова, С.Соколова, В.Нарбиковой, В.Ерофеева, Н.Садур, В.Пелевина, Б.Стейнблфорда, М.Хейз, С.Солуэй, Т.Пейна и др. Мы не ставили цель подчинить анализируемые произведения определенной тенденции – мы представили спектр, разное, где ведущим критерием была неповторимая творческая индивидуальность.

Любые структурообразующие единицы всех уровней связаны отношениями соподчинения, соответственно, они вступают в прямые и обратные связи друг с другом и с элементами других уровней. На наш взгляд, существенным представляется не типологизация собственно средств, актуализирующих и реализующих подтекст (думается, что такая классификация включала бы в себя неисчислимое множество вариантов и рассматривалась бы как континуум, постоянно обновляемый в результате привлечения для анализа новых художественных текстов), а определение характера реализуемой подтекстовой информации.

Мы рассматриваем подтекст как пласт информации. Следовательно, мы утверждаем, что подтекст по своей природе информативен. Нам представляется не совсем логичным классифицировать подтекстовую информацию по степени ее значимости для адекватного восприятия смысла художественного текста, поскольку информация любого рода формирует и определяет его. Достаточно субъективным выглядит разделение подтекстовой информации по степени скрытости (поверхностный подтекст, глубинный подтекст и т.п.), ибо в каждом конкретном случае восприятие подтекста будет осуществляться на основе разного набора лингвистических и нелингвистических пресуппозиций читателя.

Нами выявлены случаи использования авторами ряда словообразовательных элементов, имеющих одинаковое фонетическое оформление. Здесь имеем дело с дескриптивным эмфатическим подтекстом. *«И все видели, что этот музыкант и впрямь очень подходил Тане, и видна была их одноприродность, однопланетность, что ли...»* (Л.Улицкая. *Казус Кукоцкого*). *«Только уехав в Америку и прожиз в ней первые годы безвыездно, он понял американскую зависть к старой Европе с ее прозрачной изношенностью, культурной утонченностью и даже исчерпанностью, ...»* (Л.Улицкая. *Веселье похороны*). *«Наступил законный отпуск,*

за которым ослепшая Василиса прозревала окончательное бессрочное и бескрайнее отдохновение» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Как видим, рассмотрение вышеприведенных случаев лишь на фонетическом уровне ограничивает поиски подтекстовой информации, которая может быть эксплицирована с привлечением анализа используемых автором префиксов, например, приставки *из-*, *ис-* означают полную утрату признака; *без-*, *бес-* — ограниченность присутствия признака или его полное отсутствие; префиксы *одно-* — схожесть, одинаковость и т.п.

Одним из продуктивных способов обогащения словарного состава любого языка является образование новых слов по существующим словообразовательным моделям. Практически от любого слова можно получить нужное производное, если это совершается в рамках существующих норм и правил словообразования. Приемлемость любой словообразовательной конструкции с точки зрения носителя языка обуславливается принадлежностью к языковой норме и словообразовательной модели, а также возможностью ее логически правильной интерпретации. Нормативные словообразовательные средства также могут явиться средством создания подтекста, однако требуют гораздо большего внимания к себе, нежели разного рода отступления от нормы. Читатель сначала должен рассмотреть, распознать, вычленив их из ряда других нормативных употреблений.

К первой группе словообразовательных средств создания подтекста мы относим те, которые могут быть интерпретированы приблизительно одинаково как изолированно, так и в контексте. Приведем примеры: «...тек сквозняк, остужая старушечьи спинки с вытертыми лопаточками» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого) «Пожалуй, она напоминала ежонка: длинный носик, слитшиеся иголочками пряди волос...» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Выделенные слова образованы с помощью суффиксов *-к-*, *-ик-*, *-очк-*, *-онк-*, *-енк-*, *-ек-*. Данные форманты имеют уменьшительное значение, сопровождающиеся экспрессией ласкательности. Таким образом эксплицируются теплые, нежные отношения автора к героям, между героями и т.п. Такая модель продуктивна и является средством реализации коннотативного либо фактуального подтекста.

В настоящее время индивидуальное авторское словообразование (словотворчество) привлекает исследователей по разным причинам. Одной из таких причин, на наш взгляд, является планируемая возможность передачи подтекстовой информации. Оказиональные словообразования, несомненно, различаются по степени адекватной реализации скрытой информативности. В основе процесса понимания лежит представление о нем как о процессе направленного воздействия на адресата, которое может быть достигнуто при помощи различных лингвистических механизмов. Индивидуальное словотворчество и есть проявление «сознательного отношения к языку» (В.М.Марков). Вопрос в том, с какой целью было избрано то

или иное слово. Автор может не задумываться, знает ли он это слово, слышал ли он его, сочинил ли. Важно, что он искал его и нашел.

Вторую группу словообразовательных средств создания подтекста составляют окказиональные словообразования – единицы, образованные по продуктивной модели, которые могут быть восприняты как нормативные. Степень повизны их минимальна. Думается, однако, что не следует ставить в прямую пропорциональную зависимость внешнюю естественность слова, естественность его формы, от содержания, точнее, смысла, еще точнее, подтекста, воспринимаемого и вербализуемого реципиентом с учетом разного рода пресуппозиций. Рассмотрим пример: *«Двадцать первого числа, если оно не приходилось на воскресенье, в пустоватом проеме между обедом и чаем, к Анне Марковне приходила ее троюродная сестра Ася Шафран»* (Л. Улицкая. *Бедная родственница*). Слово «пустоватый» образовано подобно словам *простоватый, тяжеловатый, глуповатый* и т.п. Суффикс *-оват-* указывает на неполноту обладания признаком. В фактуальном подтексте: время между обедом и чаем обычно если и было заполнено чем-либо, то очень незначительным (практически ничем не заполненная временной промежуток между обедом и чаем).

Рассмотрим пути словообразовательной деривации, к которым прибегают современные авторы. Одной из самых продуктивных разновидностей морфологического способа можно считать суффиксацию. *«Первое время дворовые мальчишки пытались высказать ей свое отношение к происшедшему, а также делали разнообразные предложения, связанные с посещением чердака или сараюшки, но Бронька поднимала свои прозрачные глаза, бесстыдно и снисходительно улыбалась и никогда не удаивала их ответом»* (Л. Улицкая. *Бронька*). Эмотивность создается за счет деминутивного суффикса *-юшк-*, который используется для создания пренебрежения.

Как известно, окказиональные образования могут выражать и скрытую эмоционально-экспрессивную информацию (авторскую и несобственно авторскую). Менее активно авторы прибегают к окказиональной префиксации для реализации подтекстовой информации.

«И Бутонов соединил их теперь каким-то таинственным образом... Как Иаков, женившийся на двух сестрах... Их можно было бы назвать «сожённы», как бывают «собратья». Иаков входил в шатры, брал сестер, брал их служанок, и это была одна семья... И что такое ревность, как не вид жадности... Нельзя владеть другим человеком... Пусть так – все были бы братья и сестры, мужья и жены... И сама же улыбнулась: великий бордель Чернышевского, какой-то там сон Веры Павловны» (Л. Улицкая. *Казус Кукоцкого*). С помощью приставки *со-* в слове «сожённы» появилось значение общего совместного участия, актуализировалась сема соединения. В данном случае можно говорить о дескриптивном подтексте.

Современными авторами активно используется такой способ словообразования, как сложение: «...отвечала невпопад, миморечью...» (Л. Улицкая. *Казус Кукоцкого*). «Эти трогательные самораскопки прерываются навсегда Медведевым письмом от десятого октября девятьсот шестнадцатого года» (Л. Улицкая. *Медведя и ее дети*). «My mother called me at my soon-to-be-old apartment» (Е. Krouse. *My Weddings*).

Одним из приемов реализации значений окказиональных образований является актуализация периферийных значений при сохранении «подтекста» основного: «А теперь схватывайся! Схватки должны быть! – посоветовала Алена, и Плишкина схватилась руками за свои бока» (Л. Улицкая. *Ветряная оспа*).

Окказиональность, как мы уже отмечали, является одним из планируемых автором потенциалов для реализации скрытой информативности и используется, как правило, осознанно. Л. В. Щерба указывал на тот факт, что, когда чувство нормы воспитано у человека, он начинает чувствовать значимость обоснованных отступлений от нее.

Таким образом, неявные семантические добавки, которые создаются автором намеренно и иногда расцениваются как ошибки или опечатки, задерживают наше внимание не только на отдельном слове, но и создают дополнительные оттенки смысла в рамках большего языкового контекста. Лингвистические приемы, используемые в художественном тексте, также избираются автором осознанно.

Установка на словообразовательный окказионализм как на потенциальный канал передачи подтекстовой информации способствует актуализации возможностей окказионального слова как лексической единицы, ориентированной и на языковую систему (норму), и на непосредственную ее реализацию в текстах (отклонение от нормы).

Окказиональность, прежде всего, является проявлением творческих способностей автора и играет важную роль в создании новых, способных к функционированию в языке слов, способствующих извлечению и адекватной интерпретации имеющейся в художественном тексте информации, существенной для постижения его смысла.

Однако не всякий словообразовательный окказионализм может являться средством создания подтекста, иногда значение рожденного автором слова складывается из суммы значений составляющих его элементов. В данном случае можно говорить о нулевом подтексте. Эти слова понимаются и интерпретируются независимо от контекста, так как их составные части содержат полную информацию о семантическом содержании.

Таким образом, словотворчество в расширенном значении можно представить как реконструкцию-переосмысление существующего языка в новой художественной системе. Создание окказионализмов – это сознательное отклонение от

нормы, и если оно достаточно осознается, то, как правило, ведет к извлечению дополнительной информации. Окказионализм выступает как образное средство, как средство показа какой-либо характеристики – речевой, социальной, диалектной, профессиональной, возрастной и т.д. Окказионализмы занимают не последнее место в творчестве современных авторов. Очевидно, что их новое слово продуктивно и закономерно работает в дискурсе «автор-читатель». Отметим, что большинство авторских новообразований можно считать перспективными в плане выразительности и смысловой оправданности (в плане языковом столько же, сколько в художественном).

Определенная новизна, ощущаемая читателем, инициирует поиск подтекста. Даже самый необычный окказионализм имеет в языковой системе словообразовательную аналогию: каждое окказиональное слово в структурном и семантическом плане напоминает знакомый или известный узуальный словообразовательный образец; все индивидуальное множество и многообразие конкретных словообразовательных структур по своему звучанию, строению и морфологии базируется на потенциальных возможностях и предпосылках, заложенных в самой языковой системе. Принадлежность окказионализма к сети парадигматических и синтагматических отношений облегчает его понимание и способствует его адекватной интерпретации в языковом контексте.

Именно в контексте обеспечивается понимание и интерпретация авторских окказионализмов, которые в изолированном виде могут обладать множеством толкований; конкретизируется значение многозначных окказионализмов; определяется их роль в реализации подтекстовой информации.

Мы пришли к выводу, что и нормативные, и окказиональные образования могут стать средством реализации подтекстовой информации. Как удалось установить, это, в большинстве случаев, коннотативная и фактуальная информация. Для перехода на содержательный уровень, как правило, требуется привлечение экстралингвистических факторов.